

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

В.Д. Алташина

**ЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА РОМАНА МЕМУАРОВ
ВО ФРАНЦУЗСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII в.**

Воспоминания подлинные и вымышленные, строго следующие хронологии или идущие вспять, воспоминания «благовоспитанной девицы»¹ или «необразумившегося молодого человека»², «замогильные записки» (1848–1850) Шатобриана или «Антимемуары» (1967) Мальро. «Некоторые утверждают, что меня зовут Оскар Дюфрень; другие думают, что мое настоящее имя Фредерик Бегбедер. Порой мне самому трудно в этом разобраться»³, – пишет один из самых популярных современных французских писателей, складывающий во всех своих произведениях «лего из эго», заявляющий, что его жизнь «есть роман, основанный на реальных фактах»⁴.

Вся история литературы, особенно французской, доказывает популярность автобиографического жанра, художественного или документального, документально-художественного или художественно-документального, что призывает нас обратиться к тому времени, когда жанр делал свои первые, но твердые шаги. Кроме того, наблюдения над эволюцией мемуарного типа повествования чрезвычайно важны для постижения интереснейшего этапа литературного процесса – формирования романа нового типа.

Для определения жанровой специфики романа-мемуаров необходимо сначала обратиться к подлинным воспоминаниям, ведь не вызывает сомнений тот факт, что, создавая художественное произведение, писатели ориентировались на знакомую и любимую читателями модель. Для исследования были выбраны следующие семь образцов мемуарной прозы, написанные в конце XVII в.: «История Генриетты Английской» (опубликована в 1720) и «Мемуары о французском дворе 1688 и 1689 гг.» г-жи де Лафайет; «Мемуары, рассказывающие историю Анны Австрийской» г-жи де Моттвиль; мемуары трех видных политических деятелей эпохи Фронды: Франсуа де Ларошфуко (Мемуары, 1662), Бюсси де Рабютена («Мемуары», 1696) и кардинала де Реца («Мемуары», 1717); «Мемуары» (1653–1689) мадемуазель де Монпансье, а также воспоминания двух писателей XVIII в. – «Мемуары» (1735) д'Аржана – первая проба пера – и Дюкло, написанные в конце 1760-х годов, и опубликованные в 1855г.

Мемуары XVII в. вырабатывают определенную повествовательную структуру: большинство мемуаристов обращаются к наиболее значимому жизненному этапу, насыщенному историческими и личными событиями, которые они пытаются осмыслить с высоты приобретенного опыта. По мнению психологов, активное участие в общественной жизни способствует сохранению воспоминаний, для которых сами исторические события дают опорные точки, что мы видим как на примере мемуаров политических деятелей, так

и в произведениях, посвященных государственным особам. Как правило, к написанию мемуаров обращаются в тот момент, когда активное участие в истории сменяется почти полной бездеятельностью (Ларошфуко, Рец, Бюсси де Рабютен, Великая мадемуазель) или когда объект описания уходит из жизни (г-жа де Моттвиль и г-жа де Лафайет). Таким образом, будь то мемуары от первого или от второго лица, для них одинаково характерно разделение между героем и рассказчиком: в первом случае это разделение вызвано хронологическими причинами – умудренный опытом рассказчик с высоты прожитых лет оценивает события прошлого; во втором случае рассказчик смотрит на героя со стороны, но на героя, вызывающего его восхищение и любовь, т. е. между героем и рассказчиком существует определенная близость. Использование «двойного регистра» ведет к углублению психологизма: рассказчик не только вспоминает об исторических событиях, но, прежде всего, стремится осознать свое место, понять самого себя, и автор из хроникера превращается в автобиографа, пытаясь запечатлеть *history*, он создает *story*.

Несмотря на то, что большинство мемуаристов открыто заявляют о своем намерении придерживаться строгой хронологии и говорить чистую правду, но сам факт перенесения прошлого на бумагу, равно как и процесс воспоминаний приводит к неизбежным искажениям. Изображение событий во многом определяется задачами рассказчика: так, Рец обходит вниманием то, в чем он не играл особой роли, а м-ль де Монпансье с особым наслаждением и детальностью описывает собственными заслуги, не имевшие никакого значения с точки зрения историков, но важные в глазах рассказчицы. Это ведет к тому, что одни и те же события (например, Фронда) по-разному изображены в произведениях разных авторов.

Появление «воображаемой конфигурации»⁵ неизбежно при попытке обрести «утраченное время», однако ее формы и значение в тексте могут быть самыми разными. Можно выделить «воображаемые конфигурации», имеющие объективное происхождение, то есть не зависящие от сознательной установки автора, и субъективные, зависящие от личности и целей рассказчика.

Первые связаны с художественными особенностями произведения, с тем, выбирает ли автор «показ» или «рассказ», отдает ли он предпочтение прямой или косвенной речи. В тех произведениях, которые находятся ближе к хронике, «воображаемые конфигурации» встречаются редко: в мемуарах Ларошфуко, Бюсси де Рабютена, г-жи де Моттвиль почти нет прямой речи, ярких запоминающихся сцен, мы не видим героев, не слышим их голоса. Иное дело воспоминания, в которых личность автора, его писательское мастерство проявляются в полной мере, в которых рассказчик не стремится к объективному изложению событий, но сам занимает центральное место. Тогда в повествовании в изобилии появляется прямая речь, яркие, трагические или забавные, приключения, рассказанные кратко, но с большим мастерством.

«Воображаемые конфигурации» второго типа проявляются в том, что в центре внимания рассказчика оказываются события, представляющие интерес скорее не для истории, но для самого героя, причем рассказчик позволяет себе некоторые вольности в их изложении, а также в том, каким образом автор изображает других – авторская симпатия и антипатия определенно проявляются в мастерски написанных портретах, являющихся неотъемлемым компонентом мемуарной прозы XVII века.

Наличие «воображаемых конфигураций», естественных и практически неизбежных в автобиографическом произведении, перебрасывает мостик от документальности к художественности, свидетельствует о том, что в центре повествования – не голые факты, но их субъективное видение, отражающее личность автора, а не ход истории.

Авторы мемуаров широко используют все возможные отношения между временем истории и временем повествования, что позволяет, с одной стороны, уместить в ограниченные рамки многие годы насыщенных исторических фактов, а с другой – сделать повествование живым и увлекательным, что в большей мере относится к тем произведениям, где показ превалирует над рассказом. Именно авторы таких мемуаров (Рец, Великая мадемуазель, г-жа де Лафайет, маркиз д'Аржан) проявляют наибольшее стилистическое разнообразие и мастерство, обращаются к разным типам текста и тональностям, насыщают свои творения эмоциональностью переживания.

Именно это субъективное восприятие действительности и составляет ценность воспоминаний. Если «Мемуары» Ларошфуко еще очень близки к хронике, а в воспоминаниях Реца появляется «воображаемая конфигурация», собственное восприятие событий, он пишет в основном о своем месте в истории, то Великая мадемуазель рассказывает уже не историю страны, но историю своего внутреннего развития.

Углубление субъективного ведет к изменению художественных особенностей произведения: мемуары становятся менее сухими, в них все меньше точных дат, детальных описаний баталий, документов разного рода. Если все это еще встречается у Ларошфуко, Бюсси, мадам де Моттвиль, то в «Истории Генриетты Английской» г-жи де Лафайет или в «Мемуарах» мадемуазель де Монпансье точность истории уступает место детальному анализу внутреннего мира героя.

Особое место в ряду мемуаристов XVII в. занимает кардинал де Рец, произведение которого, несмотря на все стремление к подробному изложению событий, представляет несомненный художественный интерес благодаря как яркости и оригинальности стиля, так и постоянному присутствию личности героя – рассказчика, выражающего свое отношение, делящегося размышлениями, рисуя захватывающие сцены.

В мемуарах XVII в. мы встречаем все три возможных типа точек зрения: здесь есть повествование о себе от первого лица – внутреннее фокусирование; рассказ от имени свидетеля событий (г-жа де Моттвиль, г-жа де Лафайет) – внешнее фокусирование, и попытка показать все непредвзятым взглядом постороннего третьего лица (Ларошфуко, говорящий о себе в третьем лице в большей части своих «Мемуаров»).

Наличие портретов, афористических высказываний, размышлений и отступлений, использование прямой и косвенной речи, вставные истории, обращение к читателю, использование «двойного регистра», рефлексия, анализ внутреннего мира – все это придает воспоминаниям оригинальность, намечает переход от документальной литературы к художественной и, безусловно, влияет на литературу следующего века.

Воспоминания Дюкло и маркиза д'Аржана представляют собой два основных варианта мемуарной прозы: если для Дюкло характерно отстранение от событий прошлого, тенденция к размышлению, превалирование рассказа над показом, то произведение д'Аржана, напротив, отличается эмоциональностью, обилие ярких сцен и приключений.

Мемуары двух писателей XVIII в. свидетельствуют о том, что традиции предыдущего столетия прочно укрепились в умах и художественной практике, что нашло отражение в документальном жанре и в романе.

Семь романов, отобранных для анализа, показательны для литературного процесса во Франции на протяжении всего XVIII в.: первый роман датируется 1731 г. (именно в эти годы роман во Франции получает заслуженное признание), последний – 1786–1789 гг.: «Английский философ, или История г-на Кливленда» (1731–1739) аббата Прево; «Мемуары графа де Комминжа» (1735) г-жи де Тансен; «Жизнь Марианны» (1731–1741) Мариво;

«Заблуждения сердца и ума, или Мемуары г-на де Мелькура» (1735) Кребийона; «Исповедь графа де***» (1741) Дюкло; «Тереза-философ» (1748) маркиза д'Аржана; «Любовные приключения Фобласа» (1786–1789) Лувэ де Кувре.

На основании проделанного анализа, можно выделить следующие жанровые характеристики французского романа-мемуаров XVIII в.: повествование ведется от первого лица, хотя рассказчик совпадает с героем, но не с автором; широко обыгрываются все возможности «двойного регистра», который позволяет не только воссоздать момент прошлого, но и прояснить то, что было непонятым прежде, поскольку, вспоминая прошлое, рассказчик стремится понять самого себя и все с ним произошедшее. В центре повествования находится психология героя, его внутренний мир, становление личности, что постепенно ведет к сужению рамок повествования: от нескольких десятилетий («История Кливленда» Прево) до нескольких дней юности, ставшими переломными в жизни героя («Заблуждения сердца и ума» Кребийона). Рассказ ведется в прошедшем времени, в хронологическом порядке, рассказчик обращается к тем событиям, участником которых был сам, то забегая вперед, то откатываясь назад. В тексте используется прямая и косвенная речь, создаются сцены, рассказ чередуется с показом, что придает живость повествованию, ибо главная цель автора – не наскучить, сочетать приятное с полезным. Все эти качества в той или иной пропорции были отмечены нами и при анализе подлинных воспоминаний, что является подтверждением того, что роман-мемуары сформировался под непосредственным влиянием документального жанра, столь популярного на рубеже XVII–XVIII вв.

Попытка расположить романы по мере их все большего отдаления от документального источника и по мере увеличения доли вымысла, привела к почти хронологическому порядку, за исключением романа маркиза д'Аржана, в котором используются реальные факты.

Роман аббата Прево еще очень близок к подлинному мемуарному произведению и по своей структуре, и по использованию в качестве имен героев подлинных исторических персонажей, и по включенности их личной жизни в исторические события эпохи, и по заявке на достоверность воспоминаний в предисловии к роману. Однако, несмотря на строгое следование сложившемуся канону, писателю удается создать новаторское произведение – один из первых философских романов во французской литературе, в котором автор использует оригинальные и новые для своего времени художественные приемы (множественность точек зрения, субъективное восприятие одних и тех же событий, символика, сочетание авантюрного сюжета с глубоким философским смыслом и т. п.), широко востребованные последующей литературой.

«Жизнь Марианны» Мариво и не претендует на историческую точность и документальность: здесь мы не найдем ни подлинных имен, ни точных географических или исторических сведений. Но сам стиль произведения со свойственной для Марианны болтливостью, страстью к отступлениям и размышлениям, вниманием к мелким деталям быта и одежды вполне соответствует женскому менталитету, ярко выраженному в воспоминаниях Великой мадемуазель.

Произведения Прево и Мариво представляют собой развитие в художественной литературе двух основных типов подлинных мемуаров, представленных, кстати сказать, и в мемуаристике XVIII в.: произведение Прево использует структуру с насыщенным сюжетом и широким охватом действительности, как, например, у Реца или д'Аржана, Мариво же в своем романе создает произведение камерное, с явным доминированием частного, с усилением роли рассказчика со свойственным ему стремлением к анализу и рассуждению, как это было представлено в произведениях мадемуазель де Монпансье или Дюкло.

Оба писателя используют разные пути для достижения достоверности: если у Прево правдивость подкрепляется историей и географией, то Мариво рассчитывает на убедительность психологического портрета Марианны, стремясь использовать для этого как специфику памяти, так и особенности женского характера.

Маркиз д'Аржан, заставляя свою героиню философствовать, продолжает и развивает линию Марианны в литературе, а, обратившись к реальной истории отца Диррага в своем произведении о Терезе, придает реальную основу своему творению, стремясь завлечь читателя нашумевшей историей, чтобы сделать тем убедительнее рассуждения героини. Несмотря на все различие данных произведений и авторских позиций, у Марианны и Терезы много общего: их обеих можно отнести к типу «естественного человека», они обе, подобно Простодушному, попадают в чуждый им мир, в котором они многого не понимают, но постепенно познают его законы.

В романах о Марианне и Терезе авторы отходят от традиционного для мемуарной традиции повествования о большом периоде жизни: тенденция рассказывать лишь о важном для формирования личности этапе будет поддерживаться и в дальнейшем, в романах г-жи де Тансен, Кребийона и Луве де Кувре. Однако и в этом мы видим преемственность по отношению к мемуарам XVIII в.: ведь для Реца или Бюсси не было более важного периода, чем их политическая карьера, а для Великой мадемуазель – ее придворная жизнь.

Еще более сокращается временной отрезок в романе Кребийона, счет в котором идет не на годы и даже не на месяцы, но на дни. Однако для Мелькура эти две недели его жизни – почти как Фронда для Реца: из неопытного героя он превращается в рассказчика-либертена. События юности служат лишь материалом для глубокого психологического анализа, который касается не только Мелькура, но и других персонажей – г-жи де Люрсе, Версака. Таким образом, рассказчик в романе, несмотря на использование первого лица, претендует на всеведение, характерное для повествования от третьего лица. Сочетание в романе двух основных точек зрения – субъективной и объективной – дает автору возможность делать общие выводы на примере частных случаев. По такому пути пойдет развитие французского психологического романа в XIX в., когда синтез личного и общего будет достигаться в основном при помощи несобственно-прямой речи.

Обратный процесс – превращение либертена в порядочного человека – мы видим в романе Дюкло, герой которого, как и сам автор, склонен к наблюдениям. В романе большее место занимают описания нравов и рассуждения рассказчика, нежели анализ внутренних переживаний. Несмотря на явную близость автора и героя (судить об этом можно на основании мемуаров Дюкло), предшествовавшую тому «непрямому самонаблюдению», которое будет характерно для романтической литературы, этот роман открывает путь всестороннему социальному анализу.

Роман г-жи де Тансен, занимающий около тридцати страниц, и роман Луве де Кувре, растянувшийся на несколько сотен, представляют два крайних варианта, характеризующих разные манеры повествования. В романе о Комминже рассказ превалирует над показом, в то время как Фоблас описывает три года своей жизни, как бы проигрывая их на сцене в режиме реального времени. Если г-жа де Тансен является наследницей лаконизма г-жи де Лафайет, то Луве де Кувре открывает путь многотомным романам А. Дюма с характерным для них обилием авантур, быстрой сменой событий, преимущественным использованием диалога. В романе о Фобласе автор использует смешение жанров (романов психологического и нравоописательного, трагедии, комедии, фарса и т. д.) и даже родов литературы (эпоса, лирики, драмы), обращается к юмору, иронии и сатире. Многочисленные аллюзии,

скрытые или явные цитаты делают его произведение интертекстуальным и отсылают нас к известным героям и ситуациям французского романа XVIII в.

Постепенно подлинные события и имена уходят из романа-мемуаров, которому уже не нужно привлекать интерес достоверностью внешней, поскольку главным становится убедительный показ внутренней жизни, психологический анализ, в ранних произведениях еще нуждавшийся в прочной опоре на реальность, что проявляется и в названиях и в предисловиях. За вымышленными именами и событиями скрывается правдивое изображение внутреннего мира и нравов эпохи, ирония приходит на помощь серьезности, остроумная игра тонко сочетается с назидательностью – новаторство или возрождение лучших традиций мемуаристов XVII в., стремившихся передать многообразие и живое биение жизни.

¹ *Бовуар С. де*. Воспоминания благовоспитанной девицы. М., 1958.

² *Бегбедер Ф.* Воспоминания необразумившегося молодого человека». М., 1990.

³ *Beigbeder F.* L'égotiste romantique. P., 2005. P. 31.

⁴ *Ibid.* P. 42.

⁵ См.: *Рикер П.* Время и рассказ. М., 2000. С. 302. – См. также: *Алташина В.Д.* Воображаемая конфигурация в мемуарах XVII века // Материалы XXXV международной филологической конференции. СПб., 2006. С. 90–92.

Статья принята к печати 8 ноября 2006 г.